

тики могутъ судить о языкѣ автора, если мы будемъ сочинять по-своему?“

На репетиціи Щепкинъ внушалъ артистамъ не позволять себѣ отдѣливаться машинальнымъ чтеніемъ роли или индифферентнымъ повтореніемъ ея за сүфлеромъ, какъ это дѣлаютъ и теперь, къ сожалѣнію, наши актеры. Нѣтъ, онъ требовалъ, чтобы артистъ и на репетиціи, какъ и на спектаклѣ, постоянно жилъ на сценѣ, играя всю роль какъ слѣдуетъ, не жалѣя своего голоса и силъ. Критикуя игру своихъ молодыхъ друзей, онъ строго преслѣдовалъ всякую неестественность, малѣйшее отсутствіе простоты въ движеніяхъ, голосѣ и манерахъ. Г-жа Шубертъ говоритъ, что онъ часто рѣзко обрывалъ ее, какъ только замѣтитъ излишнюю манерность и стремленіе бить на эффектъ: „Не ломайся, маточка“,—замѣчалъ онъ,—„не актрисничай, говори проще“. Щепкинъ старался также удержатъ молодого артиста отъ увлеченія своимъ успѣхомъ: „Пусть публика тобой довольна, но самъ къ себѣ будь строже ея и вѣрь, что внутренняя награда выше всѣхъ аплодисментовъ“. Въ преслѣдованіи самомнѣнія Щепкинъ былъ очень послѣдователенъ. Будучи самъ олицетворенною скромностью, онъ не выносилъ суетного честолюбія, отъ котораго такъ часто погибали крупныя дарованія. Молодые артисты очень любятъ, упоенные своими лаврами, увѣковѣчивать свой образъ на память потомству при помощи фотографическаго искусства, снимаясь во всевозможныхъ роляхъ, въ какихъ имъ удавалось срывать у публики аплодисменты. Щепкинъ этого терпѣть не могъ. Когда открылась въ Москвѣ